

Владимир ШАПОШНИКОВ

НА ОДНОЙ ИЗ СИБИРСКИХ ОКРАИН...

*Сибирская литература
на страницах газеты «Жизнь Алтая»*

Из дореволюционных газет, издававшихся в Сибири, несомненно, самого серьезного, пристального внимания заслуживает «Жизнь Алтая». Эта газета выходила в Барнауле с 1911 по 1917 год и, несмотря на свой короткий «издательский век», оставила заметный след в сибирской периодике. К «Жизни Алтая» обращаются многие сибирские литературоведы, историки, краеведы — все, кто проявляет глубокий интерес к культурной, духовной жизни Сибири накануне революции. И неудивительно, ведь в газете сотрудничали по сути все самые видные, самые известные сибирские литераторы: Г. Гребенщиков, Вяч. Шишков, И. Тачалов, Г. Вяткин и др. Здесь регулярно и на достаточно высоком профессиональном уровне велся и литературно-критический отдел, о котором и пойдет разговор в данной статье.

Но прежде чем перейти к рассмотрению критических материалов «Жизни Алтая», хотелось бы дать общую характеристику газете, обрисовать, как говорится в подобных случаях, ее общественно-политическую физиономию. Сами издатели «Жизни Алтая» называли ее «внепартийной, общественной, политической и литературной газетой» — именно такие слова набирались крупным шрифтом в рекламных объявлениях в пору, когда, говоря нынешним языком, начиналась очередная подписная кампания. Действительно, газету трудно заподозрить в политической тенденциозности, в симпатии к какой-либо из существовавших тогда партий. Ни социал-демократических, ни эсеровских, ни кадетских, ни тем более черносотенных идей «Жизнь Алтая» не исповедовала и не пропагандировала. Но это вовсе не значит, что газета стояла «над схваткой», с холодным любопытством взирая на перипетии той сложной общественно-политической борьбы, которая велась в России накануне Февраля и Октября 1917 года.

Позиция «Жизни Алтая» — это позиция многих русских интеллигентов, опира-

вшихся в своих воззрениях и в своих духовных исканиях на общечеловеческие идеалы гуманизма, добра, свободы, справедливости. Авторам «Жизни Алтая» чужды были какие-либо партийные амбиции, их раздражали, а порой просто смешили попытки представителей тех или иных политических течений брать себе в союзники великих писателей, обращать их в «почетных членов» своих партий. Именно такое возмущение, приправленное изрядной долей иронии, звучит в заметке «Памяти А. С. Пушкина», приуроченной к 75-й годовщине со дня гибели поэта (1912, № 24). «Каждая партия хочет считать Пушкина своим», — пишет безымянный автор заметки, и это ему кажется чудовищным абсурдом и надругательством над памятью великого поэта. Ибо творчество Пушкина принадлежит всему человечеству, и именно в его поэзии, пишет далее критик, «рождается и крепнет» то чувство любви к ближнему, «которым одним только и держится мир, при наличии которого только и возможен общественный прогресс; так варится та спайка, которая сплотит потом все человечество в одну братскую всемирную семью».

Забегая вперед, отметим, что когда сами критики «Жизни Алтая» тревожили тени классиков, они никогда не становились с ними на «дружескую ногу», никогда не притягивали их за уши к сиюминутным злобам дня, а искали в них именно вечное, общечеловеческое, то, что и сделало их светочами разума, учителями и наставниками всего мыслящего, грамотного человечества.

Вместе с тем наша общая характеристика газеты «Жизнь Алтая» была бы явно не полной, однобокой, если бы мы видели в статьях, очерках, обзорах, рецензиях ее авторов исключительно одно только стремление к проповеди всечеловеческих идеалов. Тут никак нельзя обойти вниманием того обстоятельства, что газета была все-таки сибирская, и это накладывало на нее определенный отпечаток, придавало ей

свой колорит. Этот сибирский колорит сказывался не только в естественном желании авторов описать красоты и прелести своего родного края, но и в их стремлении познакомить читателя с хозяйственной, культурной, духовной жизнью Сибири. Авторы «Жизни Алтая» охотно выступали на ее страницах со статьями и очерками, где поднимались проблемы экономического освоения Сибири, переселенчества, взаимоотношения с инородцами и т. д. Как известно, этими проблемами занимались на протяжении всей своей деятельности Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Поэтому авторов «Жизни Алтая» вполне можно записать в число последователей и продолжателей дела отцов сибирского областничества. Никакой натяжки в таком утверждении, полагаем, нет. Поскольку из многочисленных ссылок на Потанина и Ядринцева, равно как из целого ряда статей, им посвященных, видно, с каким пиететом относились здесь к этим великим гражданам и патриотам Сибири.

Что же касается непосредственно критического отдела, то здесь прежде всего неукоснительно выполнялся один из заветов Н. М. Ядринцева — самое пристальное внимание к местным литераторам, стремление поддержать, ободрить добрым словом всякого даровитого начинающего поэта и прозаика.

Таким образом, мы видим, что «Жизнь Алтая», ориентируясь на общечеловеческие культурные и духовные ценности, в то же время была самым тесным образом связана со школой сибирского областничества, т. е. фактически тоже придерживалась определенного направления, как и большинство столичных и провинциальных изданий.

Эта органическая связь «местных интересов» с широким, свободным взглядом на окружающую действительность, с «мировыми» проблемами отчетливо прослеживается и в литературно-критических материалах, опубликованных на страницах газеты. Критический отдел здесь велся регулярно, и уже один только перечень имен, фигурирующих на страницах его, наглядным образом свидетельствует о серьезных притязаниях критиков «Жизни Алтая» на глубину освещения литературного процесса. Вот как выглядит этот перечень: А. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов, Н. Погодин, С. Надсон, И. Никитин, В. Короленко, А. Горький, Л. Андреев, Е. Чириков, Б. Зайцев, М. Осоргин, И. Шмелев, Ф. Крюков, С. Сергеев-Ценский, Н. Клюев, а наряду с ними целая плеяда сибирских литераторов — Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, И. Тачалов, Г. Вяткин, П. Драверт, Г. Гребенщиков, И. Гольдберг, Вяч. Шишков, В. Бахметьев, А. Сорокин, А. Новоселов... Причем имена перечисленных писателей не просто упоминаются «по поводу». Всем им, за редким исключением, посвящены отдельные статьи и рецензии, где либо предпринимается попытка проследить в целом творчество того или иного художника слова, либо дается подробный разбор какого-то конкретного произведения.

Из всего этого множества критических материалов, нам кажется, следует прежде

всего выделить статьи, посвященные сибирским писателям. Ведь «Жизнь Алтая» выходила в пору, когда в Сибири начала формироваться и серьезно заявлять о себе своя, местная литература. Громких имен литература эта дала немного, но уже появился целый ряд авторов, на которых вполне можно было положиться как на будущую ее надежду и славу.

В этом плане, полагаем, особого внимания заслуживает серия статей под общим названием «Современные сибирские писатели», опубликованных в 1911—1912 гг.

Первая из них посвящена Георгию Вяткину (1911, № 275). Безымянный ее автор дает достаточно разностороннюю характеристику поэзии Г. Вяткина, четко обозначает главные особенности его творческой манеры. «В лице Вяткина, — пишет он, — мы имеем, прежде всего, лирика. Его поэзии чужда область пафоса, область драмы и повествования, сфера его творчества — не изображение величавых страстей... Он не созерцатель и не борец, он — мягкий певец человеческого чувства, того тайного, нежного и неизменно овечьего безотчетной и тихой грустью чувства, которое и зовется лиризмом».

Вместе с тем, отмечает критик, Вяткин не был оторван от общественной жизни, он формировался в период, предшествующий манифесту 17 октября 1905 года, в так называемую «чеховскую эпоху», наложившую, естественно, свой отпечаток на его поэзию. Вяткин как поэт и как человек тяготел к традициям, завещанным Гоголем, Достоевским, Г. Успенским, Чеховым. Он порицал «лукаво мудрствующих новаторов», т. е. декадентов. Но тем не менее влияние декадентства отчасти на его форме сказалось. «Это «новое» в форме, — считает критик, — сквозит в прорывающейся иногда склонности больше прибегать к символу, чем к реальному образу; в некоторой причудливости и расплывчатости поэтических образов».

Что же касается его поэзии, то она продолжает традиции «прежней» литературы реализма. Не случайно одно из лучших своих стихотворений Вяткин посвятил А. П. Чехову. Приведя его полностью в конце своей статьи, критик утверждает: «Стихи эти написаны как дань дождавшимся до проблеска зари тем, кто сошел в могилу, не дождавшись, не увидев «небо в алмазах».

Второй очерк этого цикла посвящен Ивану Тачалову (1912, № 6, 9) и подписан инициалами «Е. Г.». Следует сразу заметить, что очерк о Тачалове грешит одним недостатком: он слишком многословен, порой сумбурен, изобилует витиеватыми, замумными сентенциями. Автор как будто нарочно стремится «говорить красиво», как бы соперничать с самим поэтом по части изящества слога. Однако, при всех этих излишествах, статья содержит целый ряд верных, точных наблюдений и суждений о Тачалове — поэте и человеке.

В начале очерка говорится о том, что Тачалов — «наш барнаульский поэт», что он дитя города, познавший с малых лет все мерзости городской провинциальной жизни. Приводится обширная выдержка из автобиографии Тачалова, где он пишет о мы-

тарствах, выпавших на долю его самого, а также его брата и двух сестер. Однако Тачалов, как замечает критик, устоял в борьбе с этими страшными испытаниями, не опустил, не ожесточился, нашел свою духовную обитель, каковой и стала для него поэзия.

Так что же представляет собой муза Тачалова? — вопрошает критик и дает развернутую характеристику его творчества. «Перед нами человек, видевший жизнь лицом к лицу, жизнь неприкрашенную, незаслоненную никакими спасительными перекрестками, жизнь в ее диком ужасе, дикой алчности». Поэтому облик музы его «строг, как строго отношение поэта к творчеству своему, к призванию своему». Главной, отличительной чертой творчества критик считает гармонию поэзии и мысли, которые «сливаются у него в один захватывающий, полнозвучный аккорд», причем сплетены они настолько тесно, что «почти способны переходить одна в другую, т. к. все, что истинно поэтично, неизменно глубоко, а все, что глубоко — неизменно поэтично. Поэтическая мысль может звучать как музыкальный аккорд, а музыкальный аккорд полон мысли». В подтверждение этого тезиса критик приводит многочисленные выдержки из стихотворений Тачалова и пространно комментирует их, зачастую впадая в тот самый «клизняцкий стиль», о котором говорилось выше.

Далее критик отмечает стремление Тачалова к философскому постижению мира во всей его неохватности и противоречивости: «Перед пылкостью мысли, перед ее стремлением «объять необъятное» падают одна за одной преграды, и мир раздвигается в беспредельности, — и беспредельность эта дышит величием, будит в душе художника эстетические переживания». К числу таких сугубо философских стихов критик относит «Орион», «Знай, без страданий не понять красоты», «Мятежный дух», которые обильно цитируют. Однако, замечает он, «общая философская мысль, область идеальной действительности, к которой тяготеет натура Тачалова, не заслоняет от него непосредственной, реальной действительности». Был даже период, продолжает далее критик, «когда Тачалов выступал как поэт не только реальной, но даже злободневной действительности, но песни того периода — это готовые тенденции, к тому же вылитые в готовую форму, и художественными их назвать нельзя».

Суждение это — о том, что Тачалов якобы не способен на достаточном художественном уровне отобразить реальную действительность, разумеется, более чем спорное. Однако винить и порицать критика в данном случае не стоит. Ведь когда писалась эта статья, Тачалов уже был автором двух подцензурных поэм «Егорка» и «Два Мира» — произведений, которые, по мнению авторитетных современных исследователей творчества Тачалова (в частности, Н. Яновского), являются вершинами в его поэзии. Поэмы эти либо вообще не были известны автору данного очерка, либо он вынужденно о них умолчал. Но так или иначе, а творческий портрет

Ивана Тачалова вышел у него явно не полным, «усеченным».

Третий очерк из серии «Современные сибирские писатели» посвящен Петру Драверту, а точнее, его стихотворному сборнику «Под небом Якутии» (1912, № 72). Автор очерка (опять анонимный) вначале сетует на то, что Сибирь, в отличие от Европейской России, долгое время не имела своих писателей-патриотов. Несмотря на то, что Сибирь давно уже привлекает внимание художников слова, изображалась она по преимуществу как Богом проклятый край, как огромная безлюдная пустыня, где царят дикость, невежество и произвол. Теперь, однако, утверждает критик, Сибирь предстанет совсем с другой стороны: «...природа ее и любовь к ней вызвали уже целое литературное течение, целую группу так называемых «сибирских» писателей». Одним из них и является автор сборника «Под небом Якутии».

«Взяв в руки эту книжку, — пишет критик, — невольно забываешь о мире городов с их шумной, искусственной жизнью и целиком переносишься в заросли сибирских камышей, в глухие таежные чащобы, жуткую, наполненную суеверными призраками тишину степной пустыни и тундры». Поэт презирует это «жалкую, искусственную жизнь и зовет читателя порвать с нею, уйти из неволи душных городов». Однако, резонно заключает критик, «проблема взаимоотношения природы и культуры, на которую неизменно — сознательно или бессознательно — наталкивались в своем творчестве почти все великие писатели, не находит у Драверта, как у многих и многих, какого-либо гармонического решения, натура его всегда тяготеет к стихии природы, и тем самым он принужден сказать категорическое «нет» миру человеческой культуры, носителю ее — городу». Впрочем, поэт тяготеет не только к стихийной жизни, он старается постичь глубину этой жизни, прикинуть к корням, питающим ее силу и мощь. Сибирь привлекает поэта как край, хранящий тайны и следы грандиозных стихийных порывов, край, запечатлевший «величавую повесть в строении своих гор и составе недр ее». И здесь почему-то (скорее всего, по неведению) критик умалчивает, что у Драверта в данном «пункте» был и чисто профессиональный интерес — ведь он был, как известно, не только литератором, но и разносторонне образованным ученым, занимавшимся проблемами геологии, минералогии, геодезии... Критик же по-прежнему упорно гнет свою линию, пишет о Драверте исключительно как о поэте «стихийности». И в подтверждение этому приводит обширные выдержки из стихотворений Драверта, сопровождая их довольно-таки расхожими комплиментами типа «зачарованная как принцесса в сказке», «мощь сбросившей оковы стихии», «поразительные по яркости очертания и красок картины» и т. п.

Разумеется, такая характеристика Драверта, такая трактовка его произведений нас удовлетворить вряд ли могут, поскольку в данном очерке слишком уж высок удельный вес чистой эмоциональности; критик не столько анализирует творчество

Драверта, сколько просто лишь доносит до нас свои личные читательские впечатления, и в этом смысле статья его носит явно дилетантский характер. Однако в ней подкупает искреннее стремление привлечь читателя к новому имени, показать, что в лице Петра Драверта сибирская литература обрела истинно талантливого художника слова, которому, как считает критик, суждена блестящая поэтическая будущность.

К очеркам о современных сибирских писателях тесно примыкает статья К. Порфирьева «От Омuleвского до наших дней» (1913, № 98). Статья эта, по сути, продолжает разговор о путях развития сибирской поэзии, о ее наиболее заметных и ярких явлениях. Начинается статья традиционным сетованием на то, что Сибири не повезло в литературе. Русские писатели, утверждает автор, редко обращались к Сибири, а если и писали о ней, то зачастую обнаруживали полное ее незнание, как, например, Некрасов в «Русских женщинах». Сибири, бедной литературными силами, продолжает К. Порфирьев, менее всего повезло в поэзии, несмотря на то, что первые писатели-сибиряки были именно поэтами, как, допустим, П. Ершов, не написавший, однако, о Сибири ни строчки.

Истинно сибирским поэтом, от которого, собственно, и начинается, по мнению критика, летоисчисление сибирской поэзии, был И. Омuleвский. Однако, живя вдали от Сибири, к тому же захваченный общественно-политической жизнью, он Сибирь по преимуществу идеализировал, а в иных стихах (например, в «Сне») вообще рисовал ее чуть ли не райским уголком земли. Утверждение, следует сразу заметить, столь же категоричное, сколь и спорное, а по сути неверное. Омuleвский, как известно, отнюдь не был наивным идеалистом и сибирскую жизнь рисовал по большей части в суровых, мрачных красках, о чем не раз в свое время писалось на страницах «Восточного обозрения».

Но пойдём дальше, вслед за Порфирьевым. Первым истинно сибирским поэтом, считает он, был Михеев, который, хотя и тоже жил вдали от Сибири, однако знал ее лучше, обращался к ней чаще, в результате чего и родились его известные в то время «Песни о Сибири». «Эта книга, — утверждает К. Порфирьев, — первая поэтическая правдивая летопись в сокровищнице сибирской поэзии». «К сожалению, — замечает далее критик, — стихотворный язык Михеева тяжел, неуклюж; сами стихи кустарной отделки». Но тем не менее, считает К. Порфирьев, Михеев указал сибирской поэзии верный путь, ориентируя ее на изображение «быта сибиряков как русских, так и инородцев», на то, чтобы черпать темы и образы из сибирских источников. Однако «сибирская поэзия не пошла за Михеевым».

И в этом рассуждении — тоже досадный дилетантизм, недостаточное знание истории сибирской литературы. Как будто до Михеева не было ни Ф. Бальдауфа, ни Д. Давыдова, ни М. Александрова, ни поэтов-декабристов, которые во многих своих произведениях обращались именно к быту сибиряков как русских, так и инородцев,

а также использовали мотивы устно-поэтических сказаний коренных народов Сибири.

Конец 90-х годов, рассуждает далее К. Порфирьев, не дает Сибири сколько-нибудь значительных имен в поэзии. Но зато гроза 1905 года сразу отозвалась в творчестве молодых сибирских поэтов, заявивших о себе в самом начале XX столетия. Критик называет несколько имен: томичей Бахарева и Цейнера, красноярца Флимонова, иркутянина Дубровского. Однако, по его мнению, это были поэты скромных дарований, и поэтому их стихи сколько-нибудь громкого резонанса в обществе не получили.

«Ярче других, — пишет далее критик, — блеснула в те годы звездочка Валентина Курицына. Заметный уже, как автор рассказов из присковской жизни, он дал тогда несколько ярких, сильных гражданских стихотворений и несколько острых сатирических листов». Однако со спадом революционного движения Курицын, как человек слабохарактерный, страдавший к тому же пристрастием к вину — этим, по выражению К. Порфирьева, «печальным недугом русских интеллигентов», не удержался на достигнутой им высоте, стал подвизаться на ниве сочинительства бульварных уголовных романов под псевдонимом Не-Крестовский. Но этот «новый» период его творчества длился недолго. Вино, с грустью констатирует К. Порфирьев, вскоре свело его в могилу.

В эти же бурные годы как гражданский поэт выступил Г. Вяткин. Однако, замечает К. Порфирьев, даже в его гражданских стихах сильно звучали столь свойственные ему нотки «красивой, изящной личной печали». Нотки эти, появившиеся в поэзии Вяткина под влиянием главным образом Надсона, давали знать о себе почти во всех его стихах. И потому Вяткин, считает К. Порфирьев, так и остался весь во власти этой «тихой, красивой грусти», ставшей основным мотивом в его творчестве.

Среди современных исследователей сибирской литературы «Жизнь Алтая» высоко котируется главным образом потому, что в ней сотрудничал Георгий Гребенщиков. «Жизнь Алтая» нередко так и называют — «газета Гребенщикова». Однако здесь следует прежде всего отметить тот факт, что именно эта газета по сути открыла Г. Гребенщикова как писателя, опубликовав обширную рецензию на его первую книгу «В просторах Сибири». По-видимому, это был вообще первый серьезный отклик на творчество только начинающего тогда войти в литературу талантливого писателя-сибиряка.

«Книга простых людей» — так называется эта рецензия, опубликованная без подписи в № 5 за 1913 год. Начиная ее, автор сообщает, что Гребенщиков — «истинно сибирский писатель со всех точек зрения». Уроженец Сибири, выходец из крестьянского сословия, в молодости перепробовавший множество рабочих профессий, он прекрасно знает жизнь простых людей и художественно убедительно изображает их в своих произведениях. «Его герой, — пишет рецензент, — несложны, как

несложны породившие их условия жизни. И, прекрасно разбираясь в этих знаковых условиях, они, большей частью, совершенно неподготовлены ко всему, выступающему за пределы наладившейся жизни, будь то радость, горе или просто вторжение чего-то нового, неведомого. Таким «неведомым» прежде всего является волна переселенцев, хлынувшая в Сибирь из России. Эта волна и пугает, и страшит сибирских старожилов и, главное, «вносит разлад в их устоявшийся быт».

Рецензент в связи с этим особо выделяет рассказ «Пришельцы», который, по его мнению, «написан с такой художественной убедительностью, что, читая о несчастии «Расей» и об экономичной гибели сибирского старожила под ее напором, невольно распространяешь эту картину на всю Сибирь и приходишь в ужас. И только потом, одумавшись, соображаешь, что нельзя художественное изображение факта, быть может и распространенного, принимать за исчерпывающее изложение всего процесса переселения, со всеми его разнообразными следствиями».

Как особое достоинство Гребенщикова-рассказчика, критик выделяет не только его умение правдиво рисовать жизнь своих простых людей, но и умение слиться с ними, смотреть на мир их глазами. «Оттого, — полагает критик, — так жизненны у него фигуры инородцев», при изображении которых «другие авторы чаще всего не идут дальше внешних эффектов, оттого так удаются ему дети, так редко удачные даже у крупных писателей».

Замечание в принципе верное, поскольку действительно в произведениях многих писателей XIX — начала XX вв., касавшихся сибирской темы, слишком много было того, что мы ныне зовем «сибирятиной». Здесь уместно вспомнить, с каким сарказмом высмеивал еще Н. М. Ядринцев этих, по его словам, «бойких сочинителей цивилизаторских романов», не знавших толком даже географии Сибири. Но вот что касается утверждения рецензента относительно неумения или, скажем так, — недостаточного умения рисовать детей, то звучит оно по меньшей мере голословно. Кого именно считает он «крупными писателями»? Кого конкретно имеет в виду? Если подразумевается здесь русская классика XIX века, то данное утверждение никак не соответствует истинному положению вещей. Ибо и у Толстого, и у Чехова, и у Короленко, и у Григоровича мы можем найти великолепные детские образы, написанные с тонким пониманием психологии ребенка, с глубоким проникновением в его внутренний мир. Да и ведущие художники слова начала XX века также проявляли истинное мастерство по части изображения характеров детей: М. Горький («Детство», «В людях»), А. Куприн («Белый пудель»), Л. Андреев («Петька на даче»).

Впрочем, рецензия «Книга простых людей» не носит сугубо комплиментарный характер. Безымянный ее автор, в котором сразу угадывается патриот-областник, радующийся появлению каждого нового таланта на земле сибирской, тем не менее не спешит ставить молодого писателя на

высокий пьедестал. Он находит в книге Г. Гребенщикова и целый ряд существенных недостатков. По мнению рецензента, Гребенщиков менее уверенно чувствует себя, когда берется описывать интеллигента, даже если этот интеллигент — выходец из народа. Здесь у него появляются и натяжки, и сомнительные домыслы, и общие фразы, «не раскрывающие психологии героев, и просто объясняющие мотивы их поступков». В этом отношении, считает рецензент, особенно неудачен рассказ «Певец» — о судьбе крестьянского парня, ставшего оперным певцом, но вследствие закулисных интриг едва не покончившего с собой. В некоторых рассказах слишком «сказывается спешка газетного работника», отчего отдельные из них воспринимаются как «наскоро набросанные сценки с натуры».

Но, заключает рецензент, «несмотря на эти частные неудачи, книга Г. Гребенщикова несет в себе много хорошего и значительного», и «автору остается только идти дальше по избранному пути».

Думается, данная рецензия ценна не только тем, что это один из первых серьезных отзывов на произведения раннего Гребенщикова. Анонимный критик верно определил в ней то главное, что было действительно интересным, самобытным в творчестве молодого писателя и что впоследствии позволило ему написать такие значительные вещи, как «Чураевы», «Любава», «Ханство Батырбека». И жаль, что мы не знаем имени этого критика, который по сути и открыл Гребенщикова, и поддержал его добрым словом, и благословил на дальнейшие творческие дерзания...

В самый разгар мировой войны в Омске выходит первый литературный сборник, который так и называется «Жертвам войны», и критик Л. Шумиловский тотчас откликается на него обширной статьей, опубликованной в № 88 за 1915 год.

Критик прежде всего приветствует саму идею создания подобных сборников, свидетельствующих о патриотическом подъеме в русском обществе, о стремлении творческой интеллигенции внести свою скромную лепту в победу над врагом. И хорошо, что такие сборники появляются не только в столичных центрах, но и в далеких провинциях.

Рецензия на сборник «Жертвам войны» интересна прежде всего тем, что в ней встречаем новые имена сибирских писателей, которые только-только входили в литературу. Это — А. Новоселов, Артем, Антон Сорокин. Критик дает краткую, лаконичную характеристику их произведениям, вошедшим в сборник.

В повести А. Новоселова «Исашкина мечта» рассказана горестная история киргиза-батрака, отработавшего тридцать лет на богатого скотопромышленника, но так и не выбившегося из нужды. Обобранный, обманутый, униженный, он вынужден уйти от хозяина и искать новое место. «Эту обычную драму столкновения двух разных миров, — пишет Л. Шумиловский, — писатель А. Новоселов рассказывает нам с теплым сочувствием к побежденному, с тонким знанием быта и со всей добросовестностью художника, для которого жизнен-

ная правда стоит на первом плане и удерживает его от всяких тенденций и дешевого обличительства».

Весьма лестно отзывается Л. Шумиловский и о рассказе А. Новоселова «Санькин марал». Автор, по мнению критика, великолепно показал здесь трагедию зверя, «пленного человеком и лишнего воли родных высот». Взбешенный зверь погибает в схватке с людьми, погибает «побежденным, но не сдавшимся». И картина эта, замечает критик, «получает большое символическое звучание и слова о смерти зверя звучат гордой боевой песнью...»

Высоко оценивает Л. Шумиловский и повесть Артема «В поисках родных». Тема ее — переселенчество — не нова, — считает критик, — «но Артем и для этой шаблонной темы нашел и слова, и свои краски, а главное — он нашел людей в этой серой, бесформенной и, казалось, безлюдной толпе».

Совсем иначе оценивает Л. Шумиловский рассказы Антона Сорокина. Не утруждая себя маломальским анализом этих рассказов, критик безапелляционно заявляет: «...странно видеть рядом с действительно художественными вещами бездарную и претенциозную риторичку Антона Сорокина».

Как говорится, из песни слова не выкинешь. Л. Шумиловский оказался, к сожалению, не первым и не последним, кто совершенно не понял Антона Сорокина, не разглядел, не увидел в его «странной прозе» новаторских исканий талантливого, самобытного художника.

Особый интерес представляет статья того же Л. Шумиловского, которая называется «Ядринцев и Потанин». Статья имеет подзаголовок «По поводу сборника к 80-летию со дня рождения Г. Н. Потанина» и представляет собой полемику с автором одной из опубликованных там статей. Статью под названием «Заметки к биографии Г. Н. Потанина» написал некто

Л. Адриасов, назвавший себя учеником Потанина. Данные «Заметки» глубоко возмутили Л. Шумиловского и вызвали с его стороны резкую отповедь, т. к. Адриасов сделал из Потанина богочеловека и тем самым принизил фигуру Ядринцева, утверждая, что Ядринцев без Потанина был бы просто одним из заурядных литераторов. Л. Шумиловский убедительно опровергает эти измышления. Он обращается непосредственно к документам — к письмам Ядринцева, адресованным Потанину, которые были опубликованы почти одновременно со статьей в журнале «Сибирские записки». В письмах, заявляет Л. Шумиловский, предстает совсем иной Ядринцев, нежели тот, которого обрисовал в своем опусе Адриасов: «...перед нами человек очень трудолюбивый, энергичный, всецело преданный интересам своей родины, умственно и нравственно самоотверженный, не только верный ученик Г. Н. Потанина, но его товарищ и друг. И прежде всего подвижник». Утверждение, с которым нельзя не согласиться, равно как нельзя не разделить и сам пафос этой статьи, решительно пресекающей всяческие попытки фальсифицировать, извратить историю долголетней дружбы и творческого содружества двух самых видных представителей сибирской культуры.

Размеры данной статьи не позволяют охватить все материалы, связанные с освещением сибирской литературы на страницах «Жизни Алтая». Однако и приведенных примеров, полагаю, вполне достаточно, чтобы убедиться в том, насколько широка, интересна, многообразна была литературная, да и вообще культурная жизнь на одной из далеких сибирских окраин и с каким рвением и тщанием последователи Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина стремились приумножить духовные богатства своего родного края.